

52 2593

6225 93

Издание Сѣв.-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

Н. Я. Никифоровскій.

1845—1910 годы.

В. К. Стукалица.

Цѣна 50 коп.

ВИЛЬНА.
—
1910.

Отдельный оттискъ изъ „Записокъ Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“. Книга 1.

(200)

Издание Съв.-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

Н. Я. Вихиѳоровскій.

1845 — 1910 годы.

В. К. Стукалица.

Биб. отдѣл
1994 г.

ВИЛЬНА.

1910.

Ба 2593

Часть 30 колл.

Отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ Сѣверо-Западнаго Отдѣла Импера
торскаго Русскаго Географическаго Общества“. Книга 1.

(200)

25. 11. 2009

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ НИКИФОРОВСКІЙ.

(† 28 мая 1910 г.).

Н. Я. НИКИФОРОВСКИЙ.

1845—1910 годы.

В. К. Стукалича.

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и быть родной.

Кн. Вяземскій.

Die Sprache ist durchaus kein blosses Verständigungsmittel, sondern der Abdruck des Geistes und der Weltanschauung des Redenden. (По русски: „Языкъ служитъ не только лишь средствомъ взаимообщенья, но и отпечаткомъ духа и міровоззрѣнія говорящаго“).

В. Фонъ-Гумбольдтъ.

Миръ есть воля и представленіе.

Шопенгауэръ.

I

28 мая текущаго года умеръ въ Витебскѣ незабвенный Николай Яковлевичъ Никифоровскій, человѣкъ рѣдкій въ полномъ смыслѣ этого слова.

Грустная поговорка: нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ—какъ нельзя болѣе оправдалась на Н. Я. Никифоровскомъ.

Казалось бы, человѣкъ такихъ рѣдкихъ дарованій, такого обширнаго умственнаго кругозора, такой солидной научной подготовки, такого неутомимаго трудолюбія, такихъ талантовъ и такихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, прожившій весь свой долгій вѣкъ въ витебской губерніи и посвятившій ей всѣ свои силы, долженъ бы быть окруженъ всеобщимъ вниманіемъ, почетомъ, уваженіемъ, нравственною и матеріальною поддержкою.—Но давно сказано, что мы, русскіе, не умѣемъ цѣнить и беречь своихъ выдающихся людей!...

Замѣчательное безкорыстіе Н. Я. Никифоровскаго, его неискательность и неприязнательность, его безграничная преданность родному народу и наукѣ, его независимый характеръ и образъ мыслей,— всѣ эти прекрасныя качества ума и сердца были учтены на житейскомъ торжищѣ въ ущербъ его личнымъ и семейнымъ интересамъ. Обладая полнымъ среднимъ образованіемъ, глубокими самостоятельными научными познаніями и широкою педагогическою опытностью, Н. Я. Никифоровскій всю жизнь оставался въ скромной роли учителя, сперва—народной школы, потомъ—приготовительнаго класса учительской семинаріи и витебской гимназіи.

Насъ, бѣлоруссовъ, перѣдко характеризуютъ ироническими словами: тихій и кроткій, хилый и слабый бѣлоруссъ. Н. Я. Никифоровскій, по справедливости, былъ богатыремъ и рыцаремъ духа; далеко не слабъ онъ былъ и физическими силами. Но первая половина этой характеристики какъ разъ подходила къ нему. Быть можетъ, излишняя уступчивость, мягкость и снисходительность и давали недалководиднымъ людямъ поводъ смотрѣть на Н. Я. Никифоровскаго, какъ на незначительнаго человѣка, — какого то чудака, погруженнаго въ никому не нужную, бесплодную кабинетную работу.

Заслуга Н. Я. Никифоровскаго тѣмъ выше и значительнѣе, что ученая дѣятельность его началась въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда совершился крутой переломъ въ нашей исторіи, вызвавшій переломъ и въ народномъ сознаніи.

Польское возстаніе 1863 года и упорное стремленіе поляковъ считать Бѣлоруссію, Литву и Юго-Западный край Россіи неотъемлемою частью польской ойчизны и законною добычею полонизма, заставили тогда официальную Россію, относившуюся къ полякамъ въ высшей степени благосклонно и уступчиво, принять, наконецъ, рѣшительныя и безповоротныя мѣры противъ засилія въ краѣ польскаго элемента, вящшему росту и процвѣтанію котораго способствовала именно колеблющаяся и ошибочная въ отношеніи поляковъ русская внутренняя политика послѣ екатерининской эпохи — Въ моментъ возстанія 1863 г. вся мѣстная администрація, — не исключая и учителей казенныхъ училищъ, — переполнена была поляками, въ массѣ которыхъ совершенно тонуло русское меньшинство. Въ ту пору правами государственной службы пользовались только дворяне и дѣти чиновниковъ. Извѣстно между тѣмъ, что витебская губернія выдѣляется, наряду съ другими сѣверо-западными губерніями, сравнительно съ внутренними губерніями, по численности своего дворянства, въ ту пору почти исключительно польскаго. Это, въ массѣ голодное дворянство, справившись кое-какъ съ начатками русской грамотности, толпами тѣснилось на государственную службу, оттирая на задній планъ немногочисленныхъ русскихъ.

Явился М. Н. Муравьевъ. На службу допущены были всѣ различныя и лица податныхъ сословій русскаго происхожденія. Мѣстными уроженцами, однако, были замѣщены лишь сравнительно незначительныя мѣста; для занятія всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностей были приглашены выходцы изъ внутренней Россіи. Явясъ въ сѣв.-западный край, они нашли здѣсь слѣдующую картину.

Повсемѣстное господство польскаго элемента. Помѣстные владѣльцы, крупныя и мелкія, почти исключительно поляки. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ нашли пріютъ изысканная роскошь, безпечное приволье, широкое гостепримство, тонкая обходительность, вообще, культура болѣе живая, веселая и изящная, чѣмъ тамъ, въ глубинѣ Россіи. — Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ домѣ былъ хорошій запасъ „старой вудки“;

медовъ и венгерскаго; была охота; дамы и дѣвицы щеголяли нарядными костюмами, веселымъ и милымъ кокетствомъ, пѣніемъ, музыкою и танцами; мужская молодежь лихо откалывала мазурку, лихо гарцовала на коняхъ и удивляла своею жизнерадостностью.—Католическіе ксендзы принимали дѣятельное участіе въ свѣтской жизни польскаго общества.

Въ городахъ было менѣе блеска, но и здѣсь три четверти всѣхъ мѣстъ было занято поляками. Въ присутственныхъ мѣстахъ, въ гимназіяхъ, на улицахъ, въ лавкахъ, всюду слышалась польская рѣчь. Тонъ задавали всюду поляки.

И въ городахъ, и въ селахъ повсемѣстно возвышались прекрасныя и богатые костелы, съ хорошими органами.

Совсѣмъ не тотъ характеръ носила жизнь русскаго населенія края.

Крѣпостной гнетъ проявлялся въ витебской губерніи въ такой безпощадной и жестокой формѣ, что крестьяне до эмансипаціи разбѣгались отсюда массами во всѣ концы Россіи, главнымъ образомъ въ Повороссію,—которая, по авторитетному свидѣтельству Данилевскаго *), въ значительной степени заселена была бѣлорусскими выходцами. Населеніе витебской губерніи въ пятидесятихъ годахъ, наканунѣ реформы, убывало, что и послужило основаніемъ къ сочиненію нелѣпой сказки о вырожденіи Бѣлоруссіи **).

Въ городахъ православное мѣщанство и купечество не блистало утонченностью манеръ и образованія. Мѣстные русскіе чиновники, воспитанные въ школѣ подчиненія польскому элементу, держались угрюмо и недовѣрчиво, своимъ особымъ незамѣтнымъ міркомъ.

И въ городахъ православныхъ церквей было недостаточно, а въ селахъ православное богослуженіе совершалось обычно въ убогихъ деревянныхъ храмахъ, перѣдко имѣвшихъ видъ простой бревенчатой избы крестьянскаго типа. Православное духовенство было бѣдно и запугано панскимъ своеволіемъ.

Правда, въ этихъ бѣдныхъ православныхъ приходяхъ таилась великая сила религіознаго одушевленія; нищее духовенство было связано съ своими угнетенными прихожанами тысячею неразрывныхъ нитей.— Но понять и оцѣнить то сокровенное, что прячется отъ чужихъ глазъ, дано не всякому. Тутъ невольно приходятъ на память слова поэта:

Не пойметъ и не оцѣнить
Чуждый взоръ иноплеменный,
Что живеть и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной.—

Казалось бы, родной братъ, именующій себя старшимъ, можетъ и долженъ узнать, понять и оцѣнить свего младшаго брата.

Къ несчастью, этого не случилось.

*) См. его соч. „Бѣглецы въ Новороссію“.

**) Эту нелѣпую сказку ѣдко осмѣялъ еще Добролюбовъ, т. 3, стр. 344 изд. 1885 г.

Бѣдный и простой бытъ, мякинный хлѣбъ, грубыя бѣлья и сѣрыя одѣянія, особенности въ говорѣ, особенности въ православномъ богослуженіи и въ обстановкѣ православныхъ храмовъ, замѣтныя отличія въ народномъ бытѣ, народномъ характерѣ и въ народныхъ обычаяхъ,— все это содѣйствовало тому, что выходцы изъ внутренней Россіи готовы были считать бѣлорусскую народную массу и бѣлорусское нарѣчіе неудачною смѣсью русскаго съ польскимъ, а не древнею, самостоятельною и значительною отраслью великаго русскаго племени, съ богатымъ и своеобразнымъ нарѣчіемъ, близкимъ къ русскому литературному языку.

У руководящихъ русскихъ круговъ, за немногими счастливыми исключеніями, установилось довольно пренебрежительное отношеніе къ бѣлоруссамъ и Бѣлоруссіи, какъ къ совершенно захудалой и зачахшей вѣтви русскаго дерева. Даже такіе образованные и далеко не глупые люди, какъ извѣстный А. М. Сементовскій, поддавались этому отрицательному къ мѣстной исторіи и мѣстнымъ особенностямъ общественному теченію *).

Самъ М. Н. Муравьевъ, несмотря на свой крупный государственный умъ, на солидное знакомство съ исторіей западнаго края, на глубокую освѣдомленность въ мѣстныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, пріобрѣтенную во время долгой службы въ различныхъ губерніяхъ края **), былъ не совсѣмъ свободенъ отъ подобныхъ предубѣжденій.—Такъ, въ своей запискѣ, поданной Государю (14 мая 1864 года) Муравьевъ предлагалъ выписать изъ Россіи (sic!) благонадежныхъ священниковъ и замѣнить ими б. уніатскихъ священниковъ, изъ которыхъ многіе, по его мнѣнію, не должны оставаться на своихъ мѣстахъ. Проектъ М. Н. Муравьева не осуществился только вслѣдствіе сопротивленія митрополита Іосифа Сѣманки, нашедшаго поддержку въ лицѣ извѣстнаго и вліятельнаго московскаго митрополита Филарета ***).

Такіе довольно естественные факты, какъ тотъ, что въ семьѣ Антонія Зубко, извѣстнаго виднаго дѣятеля по воссоединенію уніатовъ, особенно въ женской половинѣ, слышался больше польскій, чѣмъ русскій языкъ, казались М. Н. Муравьеву непонятными и недопустимыми.—Объяснялось однако, подобное явленіе тѣмъ, что до 1831 года во всѣхъ школахъ края преподаваніе шло на польскомъ языкѣ, а послѣ возстанія 1831 года хотя и были приняты мѣры къ охранѣ русской школы и русскихъ интересовъ въ краѣ, но настолько слабыя и нерѣшительныя, что польскій языкъ и польскій элементъ были рѣшительно всюду господствующими.—Русскія книги и русскіе книжные магазины въ краѣ были, сравнительно, рѣдки. Между тѣмъ, въ Вильнѣ процвѣтало польское книгоиздательство, польское общество всемѣрно старалось распространить польскую книгу

*) См. его соч. „Сборникъ въ память перваго статистическаго съѣзда въ 1870 г.“.

**) Въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка Муравьевъ послѣдовательно прошелъ должности: вице-губернатора Витебскаго, губернатора Могилевскаго и Гродненскаго.

***) См. Е. Орловскій. Судьбы православія въ Гроднен. губ., стр. 233.

въ средѣ читающихъ людей, польскіе магнаты не жалѣли средствъ на заведеніе библіотекъ и музеевъ.—Естественно, что культурные русскіе семьи, входя въ повседневной и общественной жизни въ постоянное соприкосновеніе съ польскими семьями, пользуясь услугами, главнымъ образомъ, польскихъ книжныхъ и музыкальныхъ магазиновъ, невольно привыкали къ употребленію польскаго языка. Но все эти православные, говорившіе съ поляками, а перѣдко—даже и у себя дома по польски, никогда не считали себя поляками, къ неудовольствію сихъ послѣднихъ; именно это западно-русское духовенство, прошедше польскую іезуитскую выучку, оказывалось самымъ энергичнымъ бойцомъ противъ полонизма и латинства, и именно оно отстояло русское дѣло въ Западномъ краѣ до 1863 года.

Слѣдуетъ удивляться не тому, что польскій языкъ былъ тогда во всеобщемъ употребленіи въ культурномъ классѣ населенія, но скорѣе тому, что находились русскіе образованные люди, совершенно избѣгавшіе польскаго языка. Намъ указывали на одного дореформеннаго сельскаго священника, который рѣшительно ни слова не понималъ по польски. На вопросъ, какимъ образомъ могло случиться, что, проживъ болѣе тридцати лѣтъ въ селѣ, кругомъ котораго расположены были одни только польскія помѣстья, онъ не знаетъ ни слова по польски, вопрошаемый отвѣтилъ:—а по моему, назвался русскимъ, такъ и будь русскимъ! Я никогда ничего не просилъ у пановъ, такъ не надо мнѣ и панской рѣчи!

Русскій человекъ вообще склоненъ къ отрицанію; бѣлоруссы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія, скорѣе наоборотъ.—Неудивительно, что мѣстные русскіе люди поддались настроенію своихъ новыхъ руководителей. Очень многіе видѣли свое честолюбіе въ томъ, чтобы стать возможно дальше отъ массы народа, подвергали осмѣянію очень многое изъ того, чѣмъ жили и что было создано ихъ отцами и дѣдами, свято хранившими свои завѣтныя преданія, свою вѣру и народность въ самыя черныя години испытаній, когда русская аристократія и русское общество протягивали дружескую руку исторической, клерикально-шляхетской Польшѣ.

Если вспомнить дѣйствительно безотрадное во многихъ отношеніяхъ положеніе Бѣлоруссіи передъ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ, если вспомнить, что, по природѣ доверчивый и добродушный, бѣлоруссъ, загнанный панскими войтами, урядниками и дозорцами, поневолѣ держался недоверчиво и осторожно въ сношеніяхъ съ новыми людьми, не удивительно, что тогда для людей, чуждыхъ Сѣверо-Западному краю, все Бѣлорусское представлялось въ непривлекательномъ свѣтѣ.

Климатъ непостоянный, сырой и нездоровый. Природа однообразная, унылая и скудная. Всюду безконечныя угрюмыя хвойныя лѣса, непроходимыя топи и болота. Народъ грубъ, темень и бѣденъ, хилъ и слабъ физически. Языкъ неправильный и некрасивый. Характеръ народа неустойчивъ. Крайняя грубость смѣняется униженною угодливостью. Лѣнь,

безпечность, косность, склонность къ пьянству, мелкому воровству, недальновидность, склонность и привычка въ житейскихъ дѣлахъ слѣдовать совѣтамъ и внушеніямъ безчисленныхъ тогда еврейскихъ корчмарей, совѣтамъ и внушеніямъ, само собою разумѣется, далеко не безкорыстнымъ — вотъ отличительныя черты бѣлорусской народной массы. Словомъ, народъ и страна безъ прошлаго и будущаго... — Таково было господствующее мнѣніе тогдашнихъ руководителей мѣстнаго русскаго общества.

Подобныя, совершенно неосновательныя предубѣжденія настолько укоренились съ легкой руки описанныхъ пессимистовъ въ сознаніи большинства русскаго общества, что еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ извѣстный русскій соціологъ и публицистъ С. Н. Южаковъ помѣстилъ на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“ статью, въ которой, исходя изъ положенія, что Бѣлоруссы — племя вымирающее, рекомендовалъ колонизировать Бѣлоруссію съ востока великоруссами и съ запада поляками. — Одновременно въ газетѣ „Новое Время“ появились статьи размахистаго публициста Соловьева (не покойнаго философа, но только его однофамильца), который, исходя изъ той точки зрѣнія, что бѣлоруссы народъ ненадежный въ національномъ смыслѣ, что русскіе чиновники, очутившіеся на службѣ въ краѣ и роднясь съ обливанцами и поляками, теряютъ національную устойчивость, рекомендовалъ слѣдующій въ высшей степени жестокой, дикій и нелѣпый планъ: — всѣ мѣста и должности въ краѣ замѣщать исключительно выходцами изъ Велико-россіи и черезъ каждые семь лѣтъ освѣжать весь составъ администраціи.

Эти голоса и праздныя рѣчи умолкли лишь тогда, когда въ печати, съ ссылкой на неоспоримыя статистическія данныя, было нами указано, что съ 1863 года, когда бѣлоруссы получили не только свободу отъ польской неволи, но еще и болѣе или менѣе достаточныя надѣлы, съ сравнительно весьма умѣренными платежами и повинностями, въ теченіе слѣдующей четверти вѣка обнаружился поразительный ростъ благосостоянія края и въ отношеніи прироста населенія, притомъ естественнаго, Бѣлоруссія оставила далеко за собою востокъ, центръ и югъ Россіи, уступая нѣсколько лишь литовскимъ губерніямъ, оказавшимся въ еще болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Понадобилось полъ-вѣка, чтобы предубѣжденія противъ Бѣлоруссіи и бѣлоруссовъ, разсѣялись, по крайней мѣрѣ частью. Въ настоящее время, когда Бѣлоруссія изрѣзана желѣзными дорогами, когда по этимъ дорогамъ и ея рѣкамъ кипитъ торговое движеніе, когда города ея растутъ съ удивительною быстротою, когда не рѣдкость встрѣтить мостовую не только въ мѣстечкахъ ея, но, въ западной Бѣлоруссіи, въ гродненской губерніи, даже во многихъ деревняхъ и селахъ, когда естественныя богатства ея, въ видѣ лѣса, рыбы, льна, пеньки, продуктовъ птицеводства и скотоводства, нашли доступъ на заграничныя и русскіе столичныя рынки, когда кропотливыя изученія въ области мѣстной археологіи,

исторіи и этнографіи открыли, наконецъ, истинную фізіономію нашего края для всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видѣть, не трудно встрѣтить образованныхъ русскихъ людей, по достоинству оцѣнивающихъ богатую драматическими эпизодами исторію Бѣлоруссіи, представляющую неисчерпаемо богатый матеріалъ для историка и романиста, людей, знакомыхъ со всѣми чудесами Европейской природы, исколесившихъ вдоль и впоперекъ Швейцарію, Италію, Испанію, Шотландію и, тѣмъ не менѣе, восхищающихся скромною, но разнообразною, привѣтливою и прекрасною природою Бѣлоруссіи: нѣжными оттѣнками нашего неба; нашими живописными рѣками, протекающими между высокихъ береговъ, то покрытыхъ темно хвойнымъ лѣсомъ, мрачно глядящимся въ текуція мимо воды, то веселыми березовыми рощами; нашими ландшафтами, гдѣ живописное сочетаніе холмовъ, цвѣтущихъ долинъ, лѣсовъ и рощицъ,—въ которыхъ, наряду съ сосною, березою и елью, встрѣчаются дубы, клены, ясени, вязы, липы и, мѣстами, въ южной Бѣлоруссіи, грабы и буки,—безчисленныхъ рѣкъ, ручьевъ и озеръ, создаетъ самые очаровательные виды, оживленные помѣщичьими усадьбами, крестьянскими односельями и деревушками, весело выглядывающими изъ-за сосѣднихъ холмовъ и рощицъ.

„Такой красотой одарилъ Господь бѣдную сторонку нашу,—говорить одинъ писатель,—что куда ни взгляни, прямо душѣ свѣтло: лѣса тѣнистые, воды свѣтлыя, холмы да пригорки словно золотомъ посыпаны; луга, какъ ситецъ дорогой, всякими цвѣтами пестрѣются, и почти изъ-за каждого веселаго перелѣска видѣется, словно кусокъ зеркала, край синяго, гладкаго озера. А воздухъ чистый, мягкій, небеса безтуманныя, и съ каждымъ вѣтеркомъ несется тебѣ какая-нибудь душина пріятная: то смолка слышна изъ хвоя густаго, то дятлина сладкая изъ зеленыхъ луговъ, то можжевелникомъ да черемухой пахнетъ!... И очень просты и задушевы всѣ наши люди, у каждого лицо веселое, сердце доброе, да немного ему и надо,—мало мальски поотляжетъ горе, чуть промигнетъ радость—все забылъ! Хлѣбца шматокъ, сольцы кусокъ, да миску колотушки гороховой, вотъ и все. А если при томъ пива полгарнца да загудитъ дуда—все прочь: „ходи ты, ходи я, ходи печка, ходи ўсѣ!“

Да, не только край, но и люди нашей тихой, прекрасной Бѣлоруссіи начинаютъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе русской науки и русскаго общества, начинаютъ вызывать положительное отношеніе къ себѣ. — Всѣ дальновидные и трезвые государственные люди и политики уже согласно признаютъ въ православномъ бѣлоруссѣ единственную крѣпкую и надежную опору русской государственности и русской культуры въ краѣ. Помимо крестьянъ, стяхнувшихъ съ себя польскія путы, изъ разночинцевъ выросъ многочисленный классъ русскихъ мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, представляющій въ краѣ весьма внушительную русскую силу.

Начинаютъ признавать, наконецъ, и высокія природныя дарованія бѣлорусскаго племени, выдвинувшаго изъ своей среды массу гениальныхъ

и талантливыхъ людей на самыхъ различныхъ поприщахъ дѣятельности. Минуя многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ, хотя, быть можетъ, и не менѣе почтенныхъ, назовемъ здѣсь нѣкоторыхъ: Франциска Скорину и Симеона Полоцкаго; Нарбутта, Нарушевича, Кояловича, Будиловича, Довнара-Запольскаго; Кирилла Туровскаго и Мелетія Смотрицкаго; Ираклія Лисовскаго, Антонія Зубко; В. Спасовича и М. Любоцинскаго; Монюшку и Глинку; Кондратовича, Мицкевича, Эл. Оржешко, Дѣдлова; знаменитую Софію Ковалевскую; грозныхъ польскихъ воеводъ Сапѣгъ, Лисовскихъ, Пацовъ, Корсаковъ, Огинскихъ; величайшаго изъ польскихъ полководцевъ Костюшко, удостоившагося погребенія съ польскими королями; Гурко, Черняева; инженера Поклевскаго-Козелло; агронома Людоговскаго, капитальный трудъ котораго является главнѣйшей основой современной русской агрономической науки; извѣстныхъ врачей—Чечота и Мержеевскаго, и многихъ другихъ.

Изъ этого краткаго списка видно, что Бѣлоруссія богата духовными проповѣдниками, историками, поэтами, музыкантами и военными героями. Такою величиною, очевидно, пренебрегать никакъ нельзя. Правда, большинство приведенныхъ славныхъ именъ были лица польской культуры, служили польскому дѣлу; но это объясняется исключительно исторіей края: этнографическая принадлежность ихъ къ бѣлорусскому племени не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Мы умышленно не упомянули здѣсь дѣятелей, прославившихся въ Бѣлоруссіи, даже уроженцевъ ея, но не бѣлорусскаго происхожденія, напримѣръ: знаменитаго князя Острожскаго; Георгія Конисскаго; Митрополита Іосифа Сѣмашко; удалаго генерала Кульнева.

Есть и другіе признаки бѣлорусскаго народнаго генія.—Возьмите Литовскій Статутъ, изданный кн. Сапѣгою по-русски въ 1588 году. Этотъ бѣлорусскій кодексъ явился образцомъ для московскихъ законовѣдовъ при выработкѣ новаго русскаго уложенія Алексѣя Михайловича, въ 1649 году.—Присмотритесь внимательнѣе къ архитектурѣ многочисленныхъ великолѣпныхъ поуніатскихъ храмовъ, виднѣющихся всюду въ городахъ западнаго края. Ни въ Польшѣ, ни во внутренней Россіи вы не найдете образца имъ; тутъ выразился мѣстный вкусъ, особое художественное настроеніе.

II

Несмотря на отмѣченные выше успѣхи русскаго образованія, позволившіе мыслящимъ людямъ отрѣшиться отъ старыхъ предрасудковъ, и въ настоящее время не трудно найти лицъ, которыя жалкіе обрывки своихъ скудныхъ школьныхъ познаній ставятъ выше живого и историческаго содержанія народной жизни.—Нечего и говорить, что атмосфера шестидесятыхъ годовъ, къ которымъ относится начало ученой дѣятельности Н. Я. Никифоровскаго, очень мало благопріятствовала сближенію мѣстной интеллигенціи съ народомъ на почвѣ серьезнаго отношенія и уваженія къ народнымъ вѣрованіямъ и преданіямъ.

Первыми пионерами серьезных этнографических русских исследований в витебской губернии были гг. Анимеле и Шейнъ.

Анимеле помѣстил въ „Этнографическомъ сборникѣ“ въ 1854 году довольно подробное описаніе быта и обрядовъ православныхъ и католиковъ бѣлоруссовъ витебской губерній. Онъ даетъ не мало цѣнныхъ указаній, но мѣстами впадаетъ въ явныя противорѣчія. Отношеніе къ бѣлоруссамъ у Анимеле (по всей вѣроятности, лица латышскаго происхожденія) явно пессимистическое.

Не лучше, если не хуже относился къ Бѣлоруссіи и бѣлоруссамъ извѣстный Шейнъ, могилевскій еврей, перешедшій въ лютеранство и отрекшійся отъ еврейскихъ идеаловъ. Шейна можно было, пожалуй, назвать и народникомъ; но предметомъ его вѣры и надежды были исключительно великороссы. При нескрываемомъ отрицательномъ отношеніи П. В. Шейна ко всему бѣлорусскому, тѣмъ болѣе достойны вниманія неутомимость и терпѣливая настойчивость его въ собираніи памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества. Но, само собою разумѣется, предвзятая точка зрѣнія на предметъ изученія не могла не отразиться до нѣкоторой степени на трудахъ П. В. Шейна въ области бѣлорусской этнографіи.

Ходъ человѣческаго ума всегда и вездѣ одинаковъ. Всякій изслѣдователь непременно исходитъ изъ заранѣе принятаго положенія, которое опредѣляетъ планъ работы и отражается, неизбежно, на ея качествахъ и результатахъ.

Составивъ себѣ довольно невыгодное мнѣніе о бѣлорусской народной массѣ, П. В. Шейнъ не искалъ и не ожидалъ найти въ ея духовномъ мірѣ и внѣшнемъ обиходѣ какія либо цѣнныя въ нравственномъ или въ эстетическомъ отношеніи черты. Поэтому онъ не прилагалъ особенныхъ усилій проникнуть глубже въ духовный міръ изучаемой народности.

Все вниманіе Шейна было направлено въ другую сторону. Преслѣдуя чисто филологическія и этнографическія задачи, въ узкомъ смыслѣ этого слова, онъ старался собирать преимущественно пѣсни обрядовыя, какъ наиболѣе древнія по происхожденію, и въ этомъ направленіи сдѣлалъ больше всякаго другого, опираясь на помощь и содѣйствіе многочисленныхъ мѣстныхъ любителей роднаго слова.

Въ итогѣ явилось обширнѣйшее собраніе бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, расположенныхъ въ стройномъ календарномъ порядкѣ.

Немаловажную заслугу Шейна въ области бѣлорусской этнографіи, — потому что П. В. Шейнъ извѣстенъ еще весьма солидными работами въ области великорусской этнографіи, — кромѣ неутомимаго трудолюбія и терпѣнія въ дѣлѣ собиранія памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества, составляетъ также выработка и усвоеніе имъ однообразной, твердой бѣлорусской транскрипціи, а также похвальное обыкновеніе указывать вездѣ не только мѣсто записи, но и лицо, доставившее матеріалъ.

Если вспомнить, что живое бѣлорусское нарѣчіе, не легко поддаваясь вліянію языковъ польскаго или церковно-славянскаго, до сихъ поръ сохранило массу самородныхъ формъ, служащихъ богатымъ матеріаломъ для освѣщенія и выясненія различныхъ темныхъ явленій въ исторіи русскаго языка; если вспомнить, что жизненные силы, которыя дѣйствуютъ въ языкѣ народа, не имѣютъ въ обработанныхъ литературныхъ формахъ вполнѣ естественнаго и правильнаго развитія; если вспомнить, что, какъ это признавали Пушкинъ, Тургеневъ и другіе великіе художники русскаго слова, нашъ литературный языкъ представляетъ далеко не вполнѣ стройную смѣсь пяти языковъ, нуждающуюся въ переработкѣ и очищеніи съ помощью народныхъ элементовъ, — то легко оцѣнить заслугу П. В. Шейна въ этомъ отношеніи, въ стремленіи приблизиться къ возможно большей точности въ написаніи бѣлорусскихъ словъ, къ установленію возможно болѣе правильной и научной бѣлорусской транскрипціи.

Иной характеръ носитъ научная и литературная дѣятельность Н. Я. Никифоровскаго, долго работавшаго безкорыстно для П. В. Шейна и предоставившаго въ распоряженіе его такую массу этнографическаго матеріала, что тотъ въ состояніи былъ использовать для своихъ изданій лишь часть этихъ матеріаловъ; остальное передано Шейномъ въ Академію Наукъ и хранится въ архивахъ Академіи въ видѣ рукописей. — Нѣкоторые зоплы П. В. Шейна утверждаютъ даже, что, не будь Н. Я. Никифоровскаго, не было бы и П. В. Шейна. Въ такой формѣ утвержденіе это нельзя не признать безусловно неосновательнымъ. Въдѣ П. В. Шейнъ работалъ подъ руководствомъ извѣстныхъ московскихъ славянофиловъ и этнографовъ и приобрѣлъ громкую извѣстность и въ области великорусской этнографіи. Вѣрно только то, что большая часть матеріала, собраннаго и изданнаго П. В. Шейномъ, поступила къ нему именно отъ Н. Я. Никифоровскаго, который очень долго совершенно не заботился о личной славѣ и мечталъ лишь о томъ, чтобы то, что онъ собралъ о своей родной Бѣлоруссіи, увидѣло свѣтъ. — Намъ не разъ приходилось бесѣдовать по этому поводу съ Н. Я. Никифоровскимъ, и онъ всегда сокрушался только о томъ, что собранные и переданные имъ П. В. Шейну матеріалы лежатъ въ архивѣ Академіи въ рукописяхъ и до сихъ поръ неизданными, и сѣтовалъ при этомъ не на Шейна, но лишь на Академію Наукъ. — Надо отдать справедливость тутъ и П. В. Шейну, обязанный въ области бѣлорусской этнографіи Н. Я. Никифоровскому, онъ не только не скрывалъ этого, но прямо указывалъ на Н. Я. Никифоровскаго, какъ на ближайшаго своего сотрудника, какъ на человѣка глубокаго, серьезнаго и основательнаго, способнаго трезво и критически наблюдать окружающую жизнь.

Палка о двухъ концахъ. — Если есть нѣкоторыя основанія утверждать, что безъ Н. Я. Никифоровскаго не было бы П. В. Шейна, не было бы его монументальнаго собранія, составившаго эпоху въ исторіи бѣлорусской этнографіи, то, съ другой стороны, съ равными правами

можно сказать, что безъ П. В. Шейна не было бы и Н. Я. Никифоровскаго.—Что подобное утверждение не выдерживаетъ критики, даютъ намъ право утверждать многіе факты, которые показываютъ, что къ систематическимъ наблюденіямъ окружающаго быта Н. Я. Никифоровскій приступилъ еще задолго до своего знакомства съ П. В. Шейномъ Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что именно встрѣча съ П. В. Шейномъ могла расшевелить въ душѣ Н. Я. Никифоровскаго творческую энергію и указать надлежащій выходъ и путь для этой энергіи.—Не слѣдуетъ забывать, что П. В. Шейнъ получилъ воспитаніе въ Москвѣ и заботливо поддерживалъ связи съ русскими учеными кругами, тогда какъ Н. Я. Никифоровскій закончилъ свое образованіе въ Витебскѣ и, если не считать книжныхъ пособій, могъ судить о людяхъ строгой науки и ихъ требованіяхъ лишь изъ прекраснаго далека.

Во всякомъ случаѣ, Н. Я. Никифоровскій шелъ, какъ и всякій человѣкъ оригинальнаго дарованія, своимъ особеннымъ путемъ, его научная и литературная дѣятельность носилъ иной характеръ, чѣмъ дѣятельность П. В. Шейна, относившагося съ нескрываемымъ недовѣріемъ къ внутреннимъ силамъ Бѣлорусской народности Изученіе народной жизни не служило для Н. Я. Никифоровскаго только средствомъ къ собиранію возможно болѣе обширнаго матеріала для жрецовъ безстрастной науки, труды его не были плодомъ исключительно ума холодныхъ наблюденій.—Нѣтъ. Самъ природный бѣлоруссъ, не по рожденію только, но и по кореннымъ свойствамъ своей души и своего характера, Н. Я. Никифоровскій стремился заглянуть въ душу родного народа, и съ любовью изучалъ даже самыя мелкія черты и его внѣшняго быта и другихъ духовныхъ проявленій народнаго склада ума и характера.

Къ началу девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка относится пора вполне самостоятельной работы Н. Я. Никифоровскаго. Онъ посылаетъ свои сочиненія на разсмотрѣніе ученыхъ обществъ; начинаетъ помѣщать свои труды частью на страницахъ „Витебскихъ губ. Вѣдомостей“, частью въ специальныхъ этнографическихъ органахъ, выпуская ихъ затѣмъ въ свѣтъ въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ и особыхъ изданій.—Научныя и литературныя занятія учителей въ то время встрѣчали далеко не сочувственное къ себѣ отношеніе со стороны мѣстнаго высшаго учебнаго начальства, такъ что открытое выступленіе Н. Я. Никифоровскаго на литературное и научное поле, не сулившее ему притомъ и никакихъ денежныхъ выгодъ, являлось съ его стороны въ извѣстной степени подвигомъ гражданскаго мужества.

Намъ извѣстны слѣдующія изданія Н. Я. Никифоровскаго.

1) Рядъ отдѣльныхъ очерковъ вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ Очерки Витебской Бѣлоруссіи“:

Старцы. Напеч. въ XII кн Этнографическаго Обзорнія. Отд. отт. тр. — 36 подъ заглавіемъ „Очеркъ нищихъ въ Витебской Бѣлоруссіи“. Москва 1892 года. Ц. 15 коп.

Дударь и музыка. Напеч. въ XIII—XIV кн. Этногр. Обзор. Отд. отт. стр. 1—33 подь тѣмъ же заглавіемъ, или подь титуломъ: „Очеркъ музыкантовъ (скрипачей и дударей) въ Витебской Бѣлоруссіи. Москва. 1892 г. Цѣна 15 коп.

Пособники жѣжара. Напеч. въ XVII кн. Этногр. Обзорѣнія. Отд. оттиски стр. 1—56 подь тѣмъ же титуломъ. Москва 1893 г.

Подданные пособники. Напеч. въ XX кн. Эгн. Обзорѣнія. Отд. оттиск. стр. 29—88 подь тѣмъ же титуломъ или подь названіемъ: „Очеркъ крѣпостныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи“. Москва 1894 г., цѣна 20 коп.

Путуціе и пропойцы. Напеч. въ XXXI кн. Этногр. Обзорѣнія. Отд. оттиски подь тѣмъ же титуломъ, стр. 1—25. Москва 1896 г.

Игры и игроки. Напеч. въ XXII кн. Этногр. Обзорѣнія. Отд. оттиски подь тѣмъ же титуломъ стр. 1—47. Москва 1897 г.

Бабы, абдъ жѣднки. Напеч. въ XXXIV кн. Этн. Обзорѣнія. Отд. оттиски подь тѣмъ же титуломъ стр. 1—36. Москва 1898 г.

2) *Сельско-школьное обученіе* въ юго-восточной окраинѣ Витебской Бѣлоруссіи до 19 февраля 1861 г. Витебскъ. 1893 года. Первоначально печаталось въ №№ 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75 и 76 Витеб. Губ. Вѣдомостей за 1893 годъ.

3) *Очерки престопаднаго життя—быття въ Витебской Бѣлоруссіи* и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ 1895 г. (Ш+552+СХІІ с.). Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга одобрена для фундаментальныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Н. Просв.

4) *Престопаднагя примѣты и повѣрья*, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ въ Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ 1897 г. (X+307+XXX стр.). Импер. Общ. Любителей Естеств., Антрон. и Этнографіи трудъ удостоенъ преміи.

5) *Гончарныя терракоты Витебска* по археологическимъ находкамъ. Стр. 1—23. Витебскъ 1897 г. Печат. въ №№ 135, 136, 137 и 138 Вит. Губ. Вѣд. за 1897 г.

6) *На почвъ простоты вѣры.* Стр. 1—12. Витебскъ 1899 г. Печ. въ №№ 11 и 12 Вит. Губ. Вѣд. за 1898 г.

7) *Престопаднагя загадки.* Стр. 1—33. Витебскъ 1898 г. Первобыло напечатано въ Памятн. кн. Витеб. губ. за 1897 г.

8) *Никольская церковь въ м. Бѣшенковичи.* Витебскъ 1899 г. (20 стр.).

9) *Страничка изъ недавней старины г. Витебска.* Юбилейное изданіе Н. Я. Никифоровскаго. Съ планомъ города, древнимъ чертежомъ замка и 8 отдѣльными видами.—Витебскъ 1899 г. (250 стр.). Первобыпечаталось въ Вит. Губ. Вѣд. за 1899 г.

10) *Освященные предметы* и отношеніе къ нимъ престопаднагя Витебской Бѣлоруссіи. Витебскъ 1903 г., стр. 1—26. Отд. от. изъ Полоцкихъ Епарх. Вѣд. №№ 10—20 и 22 за 1903 г.

11) *Нечистики*. Сводъ простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссiи сказанiй о нечистой силѣ. Вильна 1907 г. Стр. 1—103. Первоначально напеч. въ „Виленскомъ Временникѣ“, т. II.

Кромѣ того, по смерти Н. Я. Никифоровскаго остались слѣдующiе обработанные, но нигдѣ не напечатанные труды его.

1) Полупословицы и полупоговорки, употребительныя въ Витебской Бѣлоруссiи („Крылатая слова“). *)

2) Частушки Витебской губерни. **)

3) Записки архiereйскаго пѣвчаго. Въ этихъ запискахъ содержится богатый автобиографическiй матеріалъ и разсыпаны драгоцѣнныя черты минувшаго быта.— Здѣсь дана мѣткая, иногда безпощадная характеристика многихъ лицъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ Витебской губерни, многіе изъ которыхъ памятливы еще витеблянамъ.

и 4) Наконецъ, автобиографія, если не ошибаемся подъ заглавіемъ: „На память моимъ дѣтямъ“.

По словамъ вдовы покойнаго, Е. А. Никифоровской, Н. Я. Никифоровскимъ составлены были еще записки, относящіяся до многолѣтней службы его въ витебской мужской гимназiи, всего шесть тетрадей.— Эти записки покойный, за нѣсколько дней до смерти, когда надежды на выздоровленіе не было уже, уничтожилъ, предавъ всѣ шесть тетрадей огню.—Лично намъ, впрочемъ, не приходилось слышать отъ Н. Я. Никифоровскаго ни слова про эти воспоминанія.

Приведенный краткiй перечень сочиненiй Н. Я. Никифоровскаго показываетъ, какъ глубоко покойный понималъ и ставилъ свою задачу, а удачное выполненіе поставленной широкой программы доказываетъ, какими богатыми средствами для ея выполненія онъ обладалъ.

Н. Я. Никифоровскiй какъ бы поставилъ своею задачею выполнить въ области бѣлорусской этнографiи то, чего не сдѣлали и не додѣлали его предшественники. Изданные труды Шейна не охватываютъ всего предмета; въ нихъ разсматриваются главнымъ образомъ обряды и сопровождающія ихъ пѣсни, затѣмъ, даются матеріалы, относящiеся до поэзiи эпической (сказки, пословицы, легенды и проч.).

Въ капитальныхъ „Бѣлорусскихъ сборникахъ“ Е. Р. Романова содержится масса разнообразнаго матеріала: пѣсни, духовные стихи, заклинанія, заговоры. Но главнымъ образомъ Е. Р. Романовъ прославился богатѣйшимъ собраніемъ бѣлорусскихъ сказокъ, тогда какъ у Шейна и другихъ бѣлорусскихъ этнографовъ не было сколько-нибудь серьезнаго собранія сказокъ. Извѣстно, что за 4 выпускъ „Бѣлорусскаго Сборника“, содержащiй сказки космогоническія и культурныя (легенды),

*) Этотъ трудъ, который Н. Я. Никифоровскiй лично препроводилъ въ Сѣв. Зап. Отдѣлъ, начать печатаніемъ ниже.

**) Этотъ трудъ вдова покойнаго передала въ распоряженіе г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа и онъ также будетъ напечатанъ.

Е. Р. Романовъ удостоенъ Академіей Наукъ преміи Петра Великаго. — Можно смѣло сказать, что именно Е. Р. Романовъ открылъ для науки богатую область бѣлорусскаго народнаго сказочнаго творчества, своеобразную игру народнаго ума и фантазіи.

Между тѣмъ Н. Я. Никифоровскій, оставивъ сотрудничесто у П. В. Шейна и вступивъ на путь самостоятельной литературной дѣятельности, не издаетъ ни сказокъ, ни пѣсенъ (исключая частушки, это новѣйшее любопытное образованіе народнаго быта). — Свое вниманіе и свою богатую наблюдательность Н. Я. Никифоровскій сосредоточилъ, главнымъ образомъ, на описаніи существовавшихъ въ недавнее еще время, въ извѣстной мѣрѣ сохранившихся и теперь, особенностей семейной и общественной жизни, правовъ, обычаевъ и повѣрій витебскаго бѣлорусса, исчезающихъ и измѣняющихся подъ напоромъ новыхъ условій жизни. — Свои наблюденія и записи Н. Я. Никифоровскій сгруппировалъ и распредѣлилъ по строго обдуманной стройной системѣ, всегда памятуя притомъ, что имѣютъ громадную научную цѣну самомажшія отличительныя черты живаго народнаго быта, и стремился дать возможно болѣе полную и наглядную картину тѣхъ бытовыхъ и нравственныхъ явленій народной жизни Витебской бѣлоруссіи, которыя обойдены или мало затронуты другими наблюдателями народной жизни и собирателями произведеній народной словесности.

Крестьянское жилище и его устройство; матеріалы и способы приготовления пищи; мужскіе и женскіе народныя костюмы, матеріалъ и способы изготовленія одежды, домашнія и полевыя, мужскія и женскія занятія и работы и употребляющіяся при этомъ орудія; приемы охоты и рыболовства и орудія охоты и рыболовства; отраженіе въ сферѣ народной жизни крѣпостнаго права, виды и способы отбыванія барщины, панскія слуги и управители, отношенія ихъ къ народу; бытъ и судьба наемныхъ рабочихъ; черты семейной и брачной жизни; предметы религиознаго чествованія и устройство деревенскихъ храмовъ; народная музыка и народное веселье; примѣты и повѣрія, сопровождавшія, частью и теперь еще сопровождающія бѣлорусса отъ колыбели до могилы; представленія народа о нечистой силѣ, — все это и многое другое охарактеризовано съ самыми мельчайшими подробностями, свидѣтельствующими объ изумительной наблюдательности автора и о великой преданности и любви его къ родному народу. — А если вспомнить, что Н. Я. Никифоровскій предлагаетъ нашему вниманію не одно только собраніе сырыхъ матеріаловъ, но даетъ еще и живыя картины минувшаго народнаго прошлаго, то становится яснымъ все громадное значеніе литературныхъ работъ покойнаго. Можно смѣло сказать, что послѣ работъ Н. Я. Никифоровскаго, мы имѣемъ все, что необходимо для полной монографіи о бѣлорусскомъ племени; уловлены всѣ самомажшія черты и оттѣнки народнаго быта и характера, условливающіе бытіе бѣлоруссовъ какъ особой вѣтви русскаго племени.

Не так значительны заслуги Н. Я. Никифоровскаго въ отношеніи бѣлорусскаго народнаго языка. Если вѣрно, что удобнѣйшее средство для познанія народныхъ различій дается языкомъ, причемъ ярче всего выражаются мельчайшія черты народнаго различія въ словопроизношеніи, то правильная фонетическая запись народнаго говора приобретаетъ особую важность.

Въ сочиненіяхъ Н. Я. Никифоровскаго содержится не мало матеріаловъ для характеристики лексическаго состава языка Витебской Бѣлоруссіи. Описывая тотъ или другой предметъ или явленіе, онъ приводитъ всюду ихъ мѣстное названіе, а собраніе загадокъ дано цѣликомъ на народномъ нарѣчьи.— Въ общемъ, собирается весьма значительный запасъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ словъ и выраженій.— Но можно кое-что сказать противъ способа написанія.— Такъ, во первыхъ, Н. Я. Никифоровскій, въ противность общеупотребительной бѣлорусской транскрипціи, нигдѣ не обозначаетъ дзеканья и цеканья.— Далѣе, нельзя не отмѣтить его пристрастіе къ звуку *ы*.

Извѣстно, что во всей области бѣлорусскаго нарѣчья распространеннѣйшее явленіе -- произношеніе безударнаго *о* какъ *а*. Но, въ зависимости отъ мѣстности наблюденія и отъ другихъ условій, на примѣръ, отъ большей или меньшей близости къ ударяемому слогу, безударное *о* замѣняется то звукомъ *а*, то, не слишкомъ рѣдко, звукомъ *ы*, иногда звукомъ *у*, иногда слышится и само безударное *о*. Замѣна безударнаго *о* звукомъ *ы* не представляетъ явленія постояннаго, но носитъ характеръ болѣе или менѣе случайный; нерѣдко въ одной и тойже пѣснѣ вмѣсто безударнаго *о* слышится то *а*, то *ы*. — Между тѣмъ, Н. Я. Никифоровскій всюду вмѣсто безударнаго *о* пишетъ *ы*: *рыстворяиць вырытѣ*; *кылѣ*; *сыбака*; *ныддѣны*; *скырыдѣ*; *кырова*. — Нельзя объяснить подобной транскрипціи тѣмъ, что такое произношеніе преобладаетъ, будто бы, въ томъ юго-восточномъ углу Витебской губерніи, къ которому преимущественно относятся записи. По нашимъ личнымъ наблюденіямъ и по отзывамъ старожиловъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ губерніи, къ которымъ главнымъ образомъ относятся непосредственныя личныя наблюденія Н. Я. Никифоровскаго, преобладаетъ аканье, а не *ы*. — Въ богатомъ собраніи бѣлорусскихъ загадокъ, собранныхъ по всей губерніи, авторъ удерживаетъ ту же транскрипцію: *ныязь*; *выскычили*; *кычань*; *ны огни ни гориць*, *ны водѣ ня тошнець*.

Положительную черту усвоенной Н. Я. Никифоровскимъ транскрипціи словъ представляетъ широкое примѣненіе удареній, облегчающее правильное чтеніе бѣлорусскихъ словъ.

III.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеніяхъ Н. Я. Никифоровскаго, представляющихъ тотъ или другой особый интересъ.

Самымъ капитальнымъ трудомъ Н. Я. Никифоровскаго нельзя не считать „Очерки простонароднаго житья-бытѣя въ Витебской Бѣло-

руссіи“, въ которыхъ дана полная бытовая картина домашней жизни крестьянина во всемъ, что относится до жилища, пищи, одежды, земледѣльческихъ работъ, охоты и рыболовства. Авторъ идетъ за крестьяниномъ въ клѣтъ, на токъ, въ баню, въ конюшню, въ хлѣвъ, на пчельникъ, въ луга и сѣнокосы, на пахотное поле, и всюду слѣдитъ за нимъ внимательнымъ, любящимъ и снисходительнымъ взглядомъ близкаго челоука.

Въ десятой главѣ этого своего труда онъ груститъ о томъ, что на безспорно богатой всяческими дарами природы Бѣлорусской землѣ, земледѣлецъ вмѣсто того, чтобы наслаждаться цвѣтущимъ здоровьемъ и благосостояніемъ, приобрѣлъ кличку захудалаго „мякинника“.— Не отрицая ни тошаго вида, ни воспитанной лишеніями угловатости лица нашего „землепаха“, авторъ не соглашается съ тѣми, кто хочетъ видѣть причину этого явленія въ неблагоприятности почвы, лѣни и косности бѣлорусса; Н. Я. Никифоровскій пытается снять съ нашего земледѣльца всѣ эти незаслуженные упреки. Въ главѣ XVI книги, озаглавленной: „тамъ же нынѣ“,— авторъ, сопоставляя горькое прошлое съ настоящимъ, указываетъ на несомнѣнные значительные успѣхи въ современныхъ способахъ веденія сельскаго хозяйства и весьма повышенный, въ сравненіи съ прошлымъ, уровень благосостоянія крестьянъ.— Авторъ указываетъ на сытыхъ крестьянскихъ лошадокъ, на ременную сбрую, на окованныя телги, перѣдко на желѣзныхъ осяхъ, на желѣзные плуги, на молотилки и вѣялки, на посѣвы клевера, на успѣхи въ садоводствѣ и огородничествѣ, на разведеніе клубники и огородныхъ овощей...

— Безспорно, все это, — заключаетъ Н. Я. Никифоровскій, — пока что лишь мелькаетъ, пока что только зачинаетъ преуспѣяніе „бѣленькаго“ землячка; но на семъ зачинаніи строится улучшающееся житье-бытье его, а самому преуспѣянію видимо сопутствуютъ исконная „вѣра, вѣрность“ и тяготѣніе къ свѣту потомковъ древнихъ Кривичей. *)

Почти одновременно съ описаннымъ трудомъ печатались въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ и вышли въ свѣтъ отдѣльными оттисками изданиями подъ общимъ заглавіемъ „Очерки Витебской Бѣлоруссіи“ весьма содержательныя описанія отдѣльныхъ сторонъ живого народнаго быта. Въ особенности интересенъ IV очеркъ „Подданные пособники“, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть барщинныхъ крестьянъ. Авторъ поставилъ своею задачею дать правдивую картину жизни мѣстнаго крѣпостничества.

— Мѣстное крѣпостничество, — пишетъ въ краткомъ введеніи Н. Я. Никифоровскій, — безспорно могло бы почестъся образцовымъ въ крѣпостническомъ смыслѣ; здѣсь оно свило себѣ уютное, крѣпкое гнѣздышко, найдя опору въ недалновидности, заганности крѣпостнаго и въ его поражающей привязанности къ закоптѣлому родительскому углу, да къ могильнымъ буграмъ дѣдовъ и прадѣдовъ.—Крѣпостной другихъ

*) См. Очерки престоуар. житъя-бытъя Витеб. Бѣлоруссіи, стр. 433.

мѣсть вѣдался съ оброками, а такая служба давала кое-какой просторъ, ставила въ полузависимость отъ владѣльцевъ; здѣшнему крестьянину оброчная служба была почти незнакома, и онъ только и видѣлъ свѣта, что въ окнѣ.— Въ своемъ желаніи способствовать посильному освѣщенію намѣченной темы, я позволю себѣ, опереться на личные воспоминанія и на сообщенія живыхъ пока свидѣтелей мѣстнаго крѣпостничества, за ключааетъ авторъ свое введеніе.

Въ отдѣльныхъ, особенно расцѣтливыхъ хозяйствахъ, къ пригону привлекается и старый, и малый. На малолѣтокъ возлагался сборъ ягодъ, грибовъ, орѣховъ пастьба птицъ и скота и другія посильныя работы; старики несли сторожевую службу, мели и чистили дороги, убирали валежникъ, и проч. По свидѣтельству автора, большинство крѣпостныхъ владыкъ щадило дѣтскія и старческія силы, какъ по человѣколюбивымъ побужденіямъ, такъ и во исполненіе законныхъ указаній; тутъ пригонную службу несли только люди законнаго рабочаго возраста.

Авторъ описываетъ различные виды пригонныхъ работъ и кары, сыпавшіяся на неисправныхъ. Онъ отмѣчаетъ любопытную черту, что тогдашнія кары приводили пособниковъ къ непонятной теперь спѣшности и чистотѣ работъ: пригонникъ просто бѣжалъ къ пригонному мѣсту, на самой работѣ былъ осмотрителенъ до мелочей, а, по окончаніи ея, направлялся домой почти съ утреннею поспѣшностью.

По свидѣтельству автора, нерѣдки были хозяйства, гдѣ пригонщина, вопреки закону, растягивалась чуть не по длинѣ недѣли, гдѣ собственнымъ днемъ крестьянина могли считаться воскресенье да рѣдкій праздникъ. Опираясь на рассказы старыхъ „граммъ“ *), въ такой пригонщинѣ авторъ видитъ ужаснѣйшую крѣпостническую картину: крѣпостной пахаль, жаль, косиль на себя только ночью, или въ праздникъ. Ужаснымъ слѣдствіемъ ужасной жизни, бичуемой къ тому и крѣпостнической расправой, было вырожденіе цѣлыхъ семействъ и нескончаемые „сбѣги“ (побѣги) отдѣльныхъ лицъ, семей и даже деревень. Горе, удручающее горе, единственно и могло наполнять такую жизнь.

Н. Я. Никифоровскій съ обычнымъ своимъ благодушіемъ спѣшитъ оговориться, что къ упомянутому строю крѣпостнической жизни могли привести полная безсердечность заправиль и наглый обходъ закона, а это, по его мнѣнію, могло имѣть мѣсто у шляхты, арендаторовъ—нѣмцевъ и жидовъ, у управляющихъ, которые, при соблюденіи владѣльческихъ интересовъ, не забывали прежде всего собственныхъ.

Трудно согласиться съ этими оптимистическими предположеніями Н. Я. Никифоровскаго, добродушно полагавашаго, что въ имѣніяхъ, гдѣ хозяйствомъ завѣдывали сами владѣльцы, царила благоустроенность въ крѣпостническомъ смыслѣ, что тамъ домашнее и внѣшнее довольство крѣпостныхъ могло почестъся, по тогдашнему, хорошимъ, т. е. мужикъ

*) Старикъ или старуха, живой свидѣтель отдаленнаго.

быль сытъ, одѣтъ и достаточно обстроены. Будь это дѣйствительно такъ, то населеніе нашей губерніи не убывало бы, вплоть до эмансипаціи; будь это такъ, то нашъ „бѣлый землячокъ“, какъ называетъ крестьянина авторъ, не имѣлъ бы, какъ общее правило, того тощаго вида и воспитанной лишеніями угловатости лица, о которыхъ самъ Н. Я. Никифоровскій упоминаетъ на страницѣ 434 своей другой книги „Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи“.

Съ особенно грустнымъ чувствомъ описываетъ Н. Я. Никифоровскій безрадостную, мрачную жизнь крѣпостныхъ *скарбовыхъ* (дворовыхъ) и *майстровыхъ* (мастеровыхъ), которые были въ конецъ обезличены и обездолены, и безшабашныхъ *покоёвыхъ*, личной помѣщичьей прислуги. — Перечисляетъ и описываетъ различныхъ крѣпостныхъ чиновъ, черезъ которыхъ панскій дворъ сносился съ пригонными крестьянами: урядника, пана-писаря, войта, лавника, тивуна, дозорца, и прочихъ чиновъ помѣщичьей администраціи. — Главная исполнительная и распорядительная власть находилась въ рукахъ грознаго войта, видимымъ знакомъ власти и значенія котораго былъ ременной *бизунъ* (кнутъ) за поясомъ. Войтомъ матери пугали своихъ дѣтей. Авторъ приводитъ слѣдующую интересную крѣпостническую пѣсню о войтовомъ бизунѣ:

Не плачь, мое дѣтко, а—цыць, мое родно:
 Вунъ—дѣ войтъ идетъ,
 На татку, на мамку ень бизунъ пясеть.
 У тымъ у бизуни скураты (*полоски кожи*) увиты,
 Ны тымъ ны бизуни слезки и политы.
 Ты слезки кривавыи, зъ сэрца рыняныи...
 Схувайся ты, дѣтко, на Божжу постелку—
 Нихай твое вочки заплюснуть на вѣки
 Ниувидишь ты гора, гора и мужикова,
 Ни узнаишь ты дольки кровкай пылитое...

— Выдающеюся чертой мѣстнаго простолюдина, — продолжаетъ Н. Я. Никифоровскій свое повѣствованіе о войтахъ,—служить искреннее участливое отношеніе къ несчастью ближняго и даже совершенно чуждаго человѣка; про своего обидчика онъ прямо говорить: „нихай яму Богъ заплотить!“ и въ злополучіи послѣдняго видитъ законное возмездіе, карающую руку, но не радуется этому. Не то было по отношенію къ войту: не мало изогнутыхъ, изломанныхъ свѣчей ставилось въ церквахъ, на предметъ ниспосланія войту возможнаго несчастья; еще больше возсылалось молитвъ о томъ же, а всяческія злополучія съ войтомъ встрѣчались съ нескрываемою радостью... Память о „добрыхъ войтахъ“ бывала слишкомъ рѣдка, а такіе войты почти всегда заканчивали панскою немилостію, низведеніемъ въ заурядныхъ мужиковъ. — Наоборотъ, *усердная* служба войтовъ оцѣнивалась панами по достоинству: сами войты живали въ отдѣльномъ помѣщеніи панской усадьбы, пользовались наилучшимъ крестьянскимъ столомъ, одеждой, обувью и лошадыю; семья

же. жившая въ деревнѣ, освобождалась отъ всяческихъ крѣпостныхъ обязательствъ и работала только на себя.

Н. Я. Никифоровскій отмѣчаетъ весьма любопытную психологическую черту: по тѣмъ или другимъ причинамъ, крѣпостной мужикъ обыкновенно чтить своего помѣщика и его семью, часто убѣжденны въ святости и высотѣ его власти.

Обслѣдованіе житейскаго быта крѣпостныхъ авторъ заканчиваетъ краткими біографіями нѣсколькихъ лицъ, выдѣлявшихся изъ наблюдаемой массы особенностями личнаго характера и судьбою.

IV.

Въ тѣсной внутренней связи съ „Очерками Витебской Бѣлоруссіи“, и, въ особенности, съ „Очерками простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи“ стоитъ капитальный трудъ Н. Я. Никифоровскаго „Простонародныя примѣты и повѣрья“, собранныя имъ въ Витебской Бѣлоруссіи.

Еще въ началѣ 60-хъ годовъ извѣстный генералъ Бобровскій, обслѣдовавшій западную область Бѣлоруссіи, Гродненскую губернію, гдѣ бѣлоруссы сталкиваются на югѣ съ малороссами, на западѣ съ мазурами и на сѣверо-западѣ съ литовцами, писалъ слѣдующее.

— Бѣлоруссы, не зная того, что они бѣлоруссы, сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ, свои опредѣленные, національныя, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ, свои нравы, свои обычаи... Исполняя все свои христіанскіе обряды, какъ бы безсознательно, бѣлоруссъ, будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣждения, свою нравственную философію, и передаетъ все это, вмѣстѣ съ языкомъ, своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе сопровождаетъ его отъ колыбели до могилы *).

Эти слова Бобровскаго могли бы служить прекраснымъ эпиграфомъ къ рассматриваемой книгѣ Н. Я. Никифоровскаго, заключающей въ себѣ богатѣйшее собраніе, болѣе двухъ тысячъ простонародныхъ примѣтъ, повѣрій, суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ, въ сравнительно недавнее время сопровождавшихъ бѣлорусса отъ колыбели до могилы, да и въ настоящее время довольно распространенныхъ.—Въ предисловіи авторъ справедливо отмѣчаетъ широкое распространеніе описываемыхъ примѣтъ и повѣрій. Слѣдуетъ согласиться и съ замѣчаніемъ, что, съ распространеніемъ школъ и, вообще, книжнаго просвѣщенія, эти суевѣрія все болѣе исчезаютъ. Сказанія эти, однако,—памятники такого недалекаго прошлаго, что и теперь рѣдко можно встрѣтить бѣлорусса, совершенно свободнаго отъ тѣхъ или иныхъ суевѣрій и предрасудковъ. Распространенности суевѣрныхъ настроеній много содѣйствовала природа Бѣ-

*) См. „Матеріалы для исторіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба“. Спб. 1863 г. ч. I.

лоруссиі: дремучіе лѣса, съ ихъ таинственною жизнью; безчисленныя глубокія болота, мѣстами бездонныя и непроходимыя; обиліе текучихъ и стоячихъ водъ, нерѣдко кроющихся подъ поэтической сѣнью прибрежныхъ ольхъ, ивъ и другихъ растений. Казалось, и кажется природа со всѣхъ сторонъ ведетъ бесѣду съ бѣлоруссомъ, по языкомъ неяснымъ и загадочнымъ.

Сказанія расположены не по категоріямъ, а въ предметномъ порядкѣ. Почти для каждаго отдѣльнаго сказанія указано время и мѣсто записи, исключая сказанія, повсемѣстно распространенныя.—На сказанія эти авторъ смотритъ, какъ на остатки старины памятники духовной жизни народа.

Чтобы показать все богатство сборника, приведемъ здѣсь краткое оглавленіе книги.—А. Дитя отъ спочатку до конца блазности. Б. Будничная жизнь дома и вѣкъ дома. Г. Животныя, ископаемыя и явленія природы. Д. Святочная жизнь дома и вѣкъ дома. Е. Къ вечеру—не рано. (Болезни, старость, всяческія недомоганія и кончина человѣка). Ж. Дополнительныя сказанія.— Между прочими здѣсь помѣщены сказанія: о ростѣ бывшихъ и будущихъ людей, объ осилкахъ, о происхожденіи болотъ, о заростающихъ озерахъ, объ ушедшей въ землю церкви.

Въ выноскахъ и примѣчаніяхъ дано объясненіе 390 неясныхъ словъ и выраженій.— Въ приложеніи данъ алфавитный указатель мѣстностей, упомянутыхъ при сказаніи.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ книгѣ повѣрій, характеризующихъ народный складъ характера, или представляющихъ чисто бытовой интересъ.

— Если дѣвушка смотрится въ „люстерку“ (зеркальце) при вечерней уборкѣ волосъ, то она выйдетъ замужъ за бѣдняка, бездомника, или бобыля.—Та дѣвушка будетъ имѣть много поклонниковъ, у которой первымъ воспріимнымъ дитятею былъ мальчикъ. Въ свою очередь, и мужчина долженъ имѣть первую крестницу, если хочетъ, чтобы за нимъ „гонялись дѣвки“.—Тотъ горохъ будетъ умотень, куда чаще всего ходятъ за стручьями дѣти.—Если кто, поймавъ въ горохѣ мальчика или дѣвочку, станетъ тутъ же бить ихъ, то на такой горохъ немедленно нападутъ черви.—Конскій щавель не считается „ѣщей“ травой и по-сильно истребляется на пашняхъ и лугахъ, гдѣ появленіе его служить знакомъ оскудѣвающей сѣножати. Но если косарь вмѣстѣ съ травой скосилъ конскій щавель и не удалилъ его изъ травы, то тѣмъ самымъ онъ призналъ его пользу. Въ такомъ случаѣ на скашиваемой пожнѣ не станетъ родиться трава въ продолженіе семи лѣтъ.— Всякая путевая находка дороже дѣннаго подарка, и почти всегда опрометчиво поступитъ тотъ, кто не поднимаетъ найденнаго предмета. Если нашедшій завѣдомо не беретъ найденнаго, то онъ никогда больше ничего не найдетъ (sic).—Молочная корова узнается по слѣдующимъ примѣтамъ: а) концы роговъ ея будутъ „жилтавы“; б) „рабина отъ рабины кылы похвовъ“ от-

стоять на два пальца; в) „остатныя костки у хвостѣ“ будутъ ниже колѣна. — Когда съ пастухомъ находится на пастбищѣ черная собака, то большинство ягнятъ родится съ черною шерстью. — Когда взятый за „окарыкъ“ (зашеекъ) и приподнятый кверху щенокъ молчитъ, то онъ будетъ всегда лучше того, который въ данномъ положеніи визжитъ. — Обильныя осенніе туманы служатъ предвѣстниками неурожайнаго лѣта. — Въ ту минуту, когда рождается человѣкъ, на небѣ появляется новая звѣзда, такъ что по числу звѣздъ можно съ точностью опредѣлить число живыхъ людей на землѣ. Правда, въ небѣ есть и лишнія звѣзды — людей, взятыхъ на небо живыми, — но всѣ они наперечетъ. Важность въ величинѣ и свѣтѣ звѣздъ указываетъ на разность общественнаго положенія людей. — Какъ только умретъ человѣкъ, его звѣзда срывается съ мѣста и пропадаетъ въ пространство. Умретъ праведникъ — звѣзда летитъ вверхъ и въ стороны, грѣшникъ — звѣзда падаетъ внизъ. — „У першую коляду треба пнати ладки, кабъ тилятки были гладки“. — Если въ день Рождества Христова войдетъ въ домъ сторонняя дѣвушка, потерявшая незинность, то здѣсь начнутъ трескаться различные предметы — стѣны, дверь, ложки и проч., и даже руки, ноги и тѣло у жильцовъ дома. — Въ кашу, приготовляемую въ новогоднюю коляду, хозяйка кладетъ кольцо: если за ужиномъ его вычерпнетъ самъ хозяинъ, то въ теченіе грядущаго года предстоятъ одни лишь благополучія. — Когда послѣ кончины даннаго человѣка идутъ погодливые дни, умершій не жалѣетъ оставленнаго свѣта, и напротивъ, ненастные дни слѣдуютъ по смерти того, кому не хотѣлось разстаться съ землею и людьми.

Приведенные отрывки, полагаемъ, даютъ нѣкоторое представленіе о міровоззрѣніи, житейской опытности и поэтическихъ склонностяхъ, добродушіи и строгости нравственныхъ требованій витебскаго дореформеннаго бѣлорусса.

V.

Весьма полезнымъ дополненіемъ „Очерковъ Витебской Бѣлоруссіи“ служитъ небольшая, но весьма содержательная книга „Сельско-школьное обученіе въ юго-восточной окраинѣ Витебской Бѣлоруссіи“, какимъ застаетъ его реформа 19 февраля 1861 года, — представляющая очень интересныя очерки дореформенной сельской школы, согрѣтыя теплымъ и хорошимъ чувствомъ. — Матеріаломъ для этихъ прекрасныхъ очерковъ послужили собственныя школьныя воспоминанія и наблюденія Н. Я. Никифоровскаго, побывавшаго въ скромномъ видѣ ученика не въ одной, а въ нѣсколькихъ тогдашнихъ школахъ, типы которыхъ могутъ быть приближены то къ церковно-приходскимъ, то къ народнымъ казеннымъ текущаго времени, то къ проектированнымъ походнымъ. — Всѣ эти школы не находились подъ наблюденіемъ и въ вѣдѣніи какого-либо вѣдомства, стояли совершенно въ сторонѣ отъ весьма немногочисленныхъ тогдашнихъ казенныхъ народныхъ училищъ, въ которыхъ въ описываемое время учителями были нерѣдко поляки, вносившіе и въ народныя

школы свойственный имъ духъ польской пропаганды. Между тѣмъ учителями описываемыхъ Н. Я. Никифоровскимъ школъ частнаго характера были исключительно русскіе люди, и именно существованію, популярности и широкому распространенію въ народѣ этихъ частныхъ русскихъ школъ авторъ приписываетъ то заслуживающее серьезнаго вниманія обстоятельство, что освободительная реформа и распространеніе казенныхъ сельскихъ народныхъ училищъ въ 60-хъ годахъ не только не застали мѣстную крестьянскую среду вполне безграмотною, по эта грамотность, за ничтожными исключеніями, была вполне русскою, православною.—Мало того, Н. Я. Никифоровскій, опираясь на свои личныя наблюденія и свѣдѣнія, утверждаетъ даже, что число грамотныхъ въ народѣ за первое дѣсятилѣтіе послѣ реформы мало чѣмъ возрасло противъ числа грамотныхъ въ дореформенное время. Такова была сила частной народной инициативы въ дѣлахъ русскаго образованія. — По нашему мнѣнію, такой странный съ перваго взгляда фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстное сельское населеніе сроднившееся и сжившееся со своими частными русскими школами, гдѣ дѣти обучались подъ близкимъ надзоромъ родителей, было выбито изъ налаженной колеи незаслуженнымъ гоненіемъ на эти школы въ пореформенную эпоху и недовѣрчиво относилось къ воспитательному значенію казенной народной школы.—Мы всѣ теперь видимъ и знаемъ, что опасенія народа имѣли свои основанія.

Въ совершенный разрѣзъ съ тѣми, кто твердитъ о тупости и косности простолудина Витебской губерніи, Н. Я. Никифоровскій положительно утверждаетъ, что, при всей внѣшней подавленности крѣпостнаго бѣлорусса, остались, однако, далеко не подавленными внутреннія силы его духа, выразившіяся весьма наглядно и ярко въ погонѣ и исканіи грамотности.—Грамотѣй въ дореформенное время въ Витебской Бѣлоруссіи всюду пользовался вниманіемъ и почетомъ.

Авторъ отмѣчаетъ, что смиренные мастера народно-учебнаго дѣла этихъ отдаленныхъ временъ не эксплуатировали среды, не злоупотребляли своими познаніями; отдѣльныя лица изъ этого круга вкладывали въ учебу всю свою душу, иногда грубо, по установившимся традиціямъ тогдашней педагогій, но съ убѣжденностью и вѣрою въ правоту и святость своей работы.—Книга, наука и ученье пользовались безграничнымъ уваженіемъ въ народѣ въ дореформенной Бѣлоруссіи.—Но всѣмъ извѣстно, что уваженіе и любовь къ книжному знанію обычно являются первымъ залогомъ движенія впередъ. Такимъ образомъ, ошибаются тѣ, кто отсутствіе матеріальной культуры въ Бѣлоруссіи приписываютъ косности народной массы. Объясненіе этому находимъ въ историческихъ условіяхъ, въ вѣковомъ безраздѣльномъ господствѣ въ краѣ польской шляхты, сословія военнаго и землевладѣльческаго, задушившаго туземную промышленность и торговлю и отдавашаго слабые остатки ея, по политическимъ своекорыстнымъ побужденіямъ, въ руки евреевъ.

Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на главныя особенности описанныхъ Н. Я. Никифоровскимъ дореформенныхъ сельскихъ школъ. Школы эти обычно были не велики, имѣли отъ 2 до 5 учениковъ 10—15 лѣтняго возраста—На такой скромный составъ школъ вліяли двѣ непобѣдимыя причины: тѣснота помещенія, и полузапретное положеніе школы, особенно въ селахъ, находившихся вблизи панскаго двора. Учащимся этихъ школъ приходилось прятать учебныя пособія и самимъ скрываться отъ панскихъ дозорцевъ (надсмотрщиковъ), когда тѣ заглядывали въ деревню.

Весьма любопытныя подробности сообщаетъ Н. Я. Никифоровскій о самомъ ходѣ преподаванія въ этихъ школахъ, о развитіи въ ученикахъ голосистости, о чтеніи по складамъ на распѣвъ, такъ называемой „слезобовкѣ“, о различныхъ ступеняхъ школьнаго обученія, о необыкновенно серьезномъ и благоговѣйномъ отношеніи учащихся, учащихся и родителей учениковъ къ книгѣ и ко всему тому, что имѣло связь съ обученіемъ.

Авторъ перечисляетъ и характеризуетъ тогдашнія сельскія школки всѣхъ типовъ: примонастырскія; прицерковныя; чисто деревенскія, наиболѣе распространенныя, ученики которыхъ, по окончаніи ихъ, поступали, для завершения образованія, въ примонастырскія и въ прицерковныя; случайныя, во главѣ которыхъ становились разные грамотные городскіе мастеровые, оставшіеся безъ занятій на зиму; наконецъ,—весьма симпатичный и распространенный тогда типъ подвижныхъ школъ, въ которыхъ учитель изображалъ изъ себя нѣчто вродѣ миссіонера, завѣдуя одновременно нѣсколькими школками, являясь въ каждую недѣлю черезъ двѣ—три и поручая обученіе въ свое отсутствіе старшимъ ученикамъ. Подобное своеобразное примѣненіе ланкастерскаго метода пользовалось тогда въ Бѣлоруссіи большою популярностью.

Существовалъ въ то время еще особый видъ панскихъ школокъ, куда ученики набирались силою, гдѣ безраздѣльно царила польская грамотность. Тутъ, по наблюденіямъ автора, ученики знакомялись съ разными поклонами и уклонами, отъ легкаго кивка головой до падамъ до ногъ включительно; пріучались къ стойкѣ съ выраженіемъ рабства, счастливой веселости, пріучались, между прочимъ, спокойно переносить всевозможную трепку, отъ таски за волосы, за уши, до сѣченія включительно, и тутъ же ловить для поцѣлуя карающую руку.—Ласковая наука, что и говорить ..

Намъ лично приходилось знать одну православную крестьянку, окончившую подобную панскую школку. Посѣщая православный храмъ, она молится по польскому молитвеннику.—По ея словамъ, обучаясь въ польской школкѣ, одной только польской грамотѣ, въ простотѣ душевной, она думала, что это и есть единственная грамотность, обязательнымъ языкомъ которой является непременно польскій языкъ. И только выйдя замужъ за православнаго русскаго она узнала, что есть и русская грамотность, что ее весьма удивило.

VI

Теперь остановимся на талантливомъ произведеніи Н. Я. Никифоровскаго, представляющемъ наибольшій интересъ для широкой публики: „Странички изъ недавней старины г. Витебска“. —

Древній русскій городъ, происхожденіе котораго историки относятъ къ первымъ вѣкамъ русской исторіи, Витебскъ много видѣлъ и перенесъ много ударовъ въ теченіе своей многовѣковой жизни, издавна являясь виднымъ центромъ умственной, религіозной, нравственной и экономической дѣятельности населенія бассейна Западной Двины. Какъ всѣ города, игравшіе болѣе или менѣе значительную роль въ исторіи, Витебскъ богатъ и историческими воспоминаніями, и отличается нѣкоторыми особыми бытовыми чертами. —

Белико нивеллирующее вліяніе современной эпохи, стирающей мѣстныя краски, создающей новые центры экономической и культурной жизни, измѣняющей во многомъ фізіономію и строй государства. Несомнѣнно, однако, что Витебскъ не останется въ сторонѣ отъ волнъ современнаго культурнаго движенія, что городу предстоитъ блестящая будущность и въ новую эпоху русской исторіи.

Тѣмъ болѣе интереса представляетъ попытка взглянуть въ недавнее прошлое, когда измѣнившіяся условія жизни еще не успѣли стереть и уничтожить нѣкоторыя любопытныя мѣстныя особенности и пережитки прошлаго.

Въ предисловіи авторъ приводитъ несбывшееся пророчество А. М. Сементовскаго, утверждавшаго въ памятной книжкѣ Витебской губерніи за 1865 годъ, что Витебску въ близкомъ будущемъ предстоитъ неизбѣжный упадокъ. — О полной несостоятельности сужденій Сементовскаго и другихъ подобныхъ ему пессимистовъ относительно Витебска и Витебской губерніи мы говорили выше.

Воспоминанія Н. Я. Никифоровскаго начинаются съ такъ называемаго „Голицинскаго времени“ (1846—1853 г.), когда жена тогдашняго Витебскаго генераль-губернатора, образованная, молодая и дѣятельная Софья Петровна Голицина являлась центромъ всего общества, которое она умѣла сплотить и объединить не для однихъ шумныхъ забавъ и веселья, но и для серьезной общественной дѣятельности.

Театръ Морица, о которомъ долго вспоминали любители, оркестры Ягонова, загородныя прогулки большимъ обществомъ, щедрая помощь бѣднымъ, учрежденіе и прекрасное оборудованіе заль-пріюта, — сколько во всемъ этомъ, по описаніямъ автора, было жизни, блеска, движенія.

Мимоходомъ авторъ даетъ точныя и мѣткія описанія замковой горы, Николаевскаго собора до послѣдняго капитальнаго ремонта, Успенскаго собора и городскихъ улицъ, — все въ тогдашнемъ ихъ видѣ.

Вѣроятно, многимъ читателямъ не извѣстно, что Успенская гора въ г. Витебскѣ изобилуетъ подпочвенными водами. Н. Я. Никифоровскій

упоминаетъ, что строители нынѣшняго Успенскаго собора, заложившіе его въ 1743 году, оградилѣ Успенскую площадь отъ осыпанія и оползанія каменными укрѣпленіями, а для отвода подпочвенной воды устроили солидные каменные подземные стоки, дающіе витебской публикѣ поводъ утверждать, будто изъ подземелья Успенскаго собора подъ русломъ Двины есть ходы на правый берегъ рѣки. Соборъ законченъ вполнѣ постройкою въ 1785 году. Такимъ образомъ, нынѣшнее величественное зданіе Успенскаго собора, украшающее красивѣйшее мѣсто въ центрѣ города и восхищающее знатоковъ великолѣпіемъ и грандіозностью стиля, существуетъ всего съ небольшимъ сто лѣтъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что такъ рѣшительно забыты смыслъ и значеніе различныхъ сооружений, предпринятыхъ тогдашними инженерами-строителями въ видахъ устраненія разрушительнаго вліянія подпочвенной воды на храмовыя постройки. Послѣдствіемъ такой странной забывчивости и непредусмотрительности является страшная сырость, развѣдающая стѣны собора, и многочисленныя оползни и обвалы Успенской горы.

Отмѣтивъ обиліе въ Витебскѣ площадей и обширность витебскихъ базаровъ, авторъ останавливается на описаніи тогдашней базарной жизни, имѣвшей свои характерныя особенности, въ родѣ обжорныхъ рядовъ, шафочекъ, и проч., нынѣ безслѣдно исчезнувшія. Между прочимъ, Н. Я. Никифоровскій отмѣчаетъ религіозность тогдашняго бѣлорусскаго крестьянина, который не принималъ глотка воды, не снявши шапки и не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Прошло едва полвѣка и какая рѣзкая перемѣна въ народныхъ понятіяхъ и обычаяхъ... теперь трудно найти на площади и на улицѣ молящагося крестьянина.

Любопытенъ составъ населенія Витебска въ 1860 году. Изъ 30.664 жителей считалось 2311 потомственныхъ или состоятельныхъ дворянъ, больше, чѣмъ ихъ числится и теперь въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ. Такой, по преимуществу дворянскій, характеръ города не могъ не отражаться на его фізіономіи. Однако, по свидѣтельству Н. Я. Никифоровскаго, пока имущественное и родовитое дворянство пользовалось вполнѣ благами своего положенія, то есть до 1861 и, въ особенности, до 1863 года, оно замыкалось отъ прочихъ городскихъ сословій, съ чиновничествомъ, на примѣръ, сносило лишь на почвѣ канцелярскихъ справокъ и надобностей.

Съ потерю дворянами преобладающаго значенія, мѣстному чиновничеству, издавна выдѣлившемуся въ особый скромный мірокъ, пришлось силою вещей выступить впередъ, стать главнымъ носителемъ культуры города.—Авторъ съ любовью останавливается на тогдашнемъ чиновничествѣ, на любви его къ чтенію, на чиновничьихъ любительскихъ хорахъ и оркестрахъ, на многочисленныхъ домашнихъ спектакляхъ въ чиновничьей средѣ, на простотѣ и нетребовательности чиновничьяго быта и независимой честности массы чиновничества.

По удостовѣренію Н. Я. Никифоровскаго, карточная игра въ то время не пользовалась въ широкихъ кругахъ чиновничества ни сим-

патією, ни большою распространенностью. Въ этомъ отношеніи, очевидно, старое время приходится назвать дѣйствительно „добрымъ старымъ временемъ“.

Съ неменьшею подробностью и вниманіемъ описываетъ авторъ былую общественную жизнь народныхъ слоевъ города: исчезнувшія забавы, въ родѣ шарманокъ, петрушекъ или „рататуй“, канатныхъ плясуновъ, уличныхъ представленій голодныхъ кантонистовъ, гомерическіе двинскіе и уличные кулачные бои, своего рода народный спортъ, въ коихъ въ полномъ блескѣ проявлялась удаль и молодечество молодежи, измѣненія, какія вносила въ уличное движеніе и въ жизнь города весною, лѣтомъ и осенью рѣка Двина, черезъ которую не былъ еще переброшенъ каменный мостъ, — городскія рогатки и практиковавшійся тогда повсемѣстно въ Россіи осмотръ при нихъ прохожихъ агентами откупа, при чемъ имѣли мѣсто приемы осмотра женщинъ, не только отошедшіе въ область преданій, но едва ли и вообще возможные въ настоящее время, когда во всѣхъ слояхъ народа возвысилось уваженіе къ собственной личности.

Глубоко поучительны и грустны тѣ строки, которыя посвящены авторомъ памяти былого, нѣкогда именитаго витебскаго купечества, игравшаго такую видную роль въ исторіи города, вплоть до новѣйшаго времени. Хотя въ общемъ пророчество А. М. Сементовскаго не оправдалось и, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, Витебскъ не только не упалъ, но еще поднялся и возвысился въ своемъ значеніи крупнаго торговопромышленнаго и культурнаго центра, но желѣзныя дороги, кореннымъ образомъ измѣнивъ всѣ условія движенія и обмѣна товаровъ, привели къ гибели и крушенію мѣстное бѣлорусское купечество, въ теченіе долгихъ вѣковъ являвшееся представителемъ не одной лишь матеріальной культуры народа. Кракель, Дуботолковъ, Рында, Глинка, Лобановъ, Князикъ, Цитро, Стабровскіе и многіе другіе навсегда исчезли съ горизонта, очищая мѣсто для новыхъ, увь, отнюдь не лучшихъ элементовъ.

Доискиваясь причинъ этого страннаго и непонятнаго на первый взглядъ явленія, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ гибели всѣхъ сошедшихъ со сцены витебскихъ исконныхъ купеческихъ родовъ участвовали главнымъ образомъ слѣдующія обстоятельства: жизнь выше средствъ; отчужденіе сыновей отъ родительской профессіи; погоня дочерей за чиновничествомъ; безбрачіе и бездѣтство; неудачныя поручительства; наконецъ, такъ называемыя „выкуриванія“, то есть пожары 60-хъ и 70-хъ годовъ, уничтожившіе именно тѣ кварталы, гдѣ стояли дома и службы именитыхъ двигателей торговопромышленной жизни города.

Всѣ приведенныя причины, несомнѣнно, играли немаловажную роль въ крушеніи стариннаго витебскаго купечества. Но, если вспомнить, что нѣтъ болѣе выгоднаго занятія, какъ торговля и промыслы; если вспомнить, что всюду и всегда купечество роскошью своего быта старается

затмить высшія сословія; если вспомнить, что и въ настоящее время замѣстители стараго витебскаго купечества занимаютъ великолѣпнѣйшія въ городѣ барскія квартиры, владѣютъ часто десятками солидныхъ домовъ, не отказывая себѣ ровно ни въ чемъ, не исключая заграничныхъ путешествій и пользованія на лучшихъ европейскихъ курортахъ, — то перечисленные Н. Я. Никифорскимъ причины, при всемъ серьезномъ ихъ значеніи, не могли бы сыграть той роковой роли въ жизни стараго купечества, какою авторъ склоненъ имъ приписывать.

Конечно, сыграли свою роль въ этомъ печальномъ явленіи и безбрачіе, и бездѣтность, и отчужденіе сыновей отъ профессіи родителей, и поручительство за ненадежныхъ лицъ, излишняя довѣрчивость и деликатность. Но на смѣну сыновьямъ, ушедшимъ на службу, на смѣну безбрачнымъ и бездѣтнымъ должны были выступить новыя лица, въ особенности бывшіе приказчики и близкіе. Не только въ такой сравнительно молодой въ промышленномъ отношеніи странѣ, какъ Россія, но и всюду въ Европѣ составъ купеческаго сословія постоянно обновляется приливомъ новыхъ элементовъ, какими обыкновенно являются бывшіе приказчики, примѣняющіе нерѣдко къ дѣлу новыя, усовершенствованные приемы веденія торговли и промысловъ.

Очевидно, существовали еще другія условія, губительныя для кореннаго витебскаго купечества. Намекъ на эти условія мы находимъ и въ книгѣ Н. Я. Никифоровскаго. Именно, онъ указываетъ, что въ былое время по Западной Двинѣ уплывало впизъ мимо Витебска до 1500 барокъ, съ весьма разнообразнымъ грузомъ, преимущественно хлѣбнымъ, льнянымъ и пеньковымъ, и что витебскіе купцы принимали видное участіе въ этой торговлѣ, причемъ исконное бѣлорусское купечество держало въ своихъ рукахъ всю обширную отпускную оптовую торговлю. Но съ проведеніемъ желѣзной дороги торговля эта ускользнула изъ старыхъ рукъ и перешла въ другія, „болѣе проворныя и цѣпкія“, — по словамъ автора.

Ясная вещь, старинныя купеческія русскіе роды, искони вѣковъ привычныя къ торговому движенію по рѣчнымъ и вообще по воднымъ путямъ, не сумѣли сразу ориентироваться въ новыхъ условіяхъ рынка, изучить и оцѣнить новыя пути и приемы торговли. Поревѣсь сразу взяли болѣе гибкіе и предприимчивыя элементы, на сторонѣ которыхъ оказались и многія внѣшнія преимущества, говорить о которыхъ здѣсь находимъ излишнимъ.

Какъ видитъ читатель, „Странички изъ недавней старины города Витебска“ даютъ очень разнообразный и цѣнный матеріаль воспоминаній, затрагиваютъ не мало серьезныхъ вопросовъ и будятъ сознание всякаго, не чуждаго интересамъ серьезной мысли.

Нѣкоторыхъ сторонъ былой витебской общественной жизни, впрочемъ, авторъ или вовсе не коснулся, или коснулся только мимоходомъ.

Такъ, нѣтъ сколько-нибудь ясныхъ указаній на ходъ русской образованности и распространенія русскаго языка; на роль, какую играли въ умственной жизни города существовавшіе въ Витебскѣ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ кружки интеллигентной витебской молодежи, выдвинувшей изъ своей среды нѣсколькихъ писателей, — воспоминанія о которыхъ были еще живы въ эпоху наблюденія витебской жизни авторомъ.

Не затронутымъ оказался и вопросъ объ архитектурности витебскихъ храмовъ, общественныхъ и частныхъ построекъ, о воспоминаніяхъ, связанныхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, и о способѣ „капитальнаго“ ремонтированія этихъ зданій.

По авторитетному свидѣтельству И. Я. Рѣпина, очень немногіе изъ русскихъ городовъ равняются съ Витебскомъ по красотѣ мѣстоположенія и характеру построекъ, и только виды Кіева и Нижняго Новгорода превосходятъ виды Витебска.

Такая выдающаяся красота мѣстоположенія и великолѣпная архитектура витебскихъ храмовъ не могли, разумѣется, не дѣйствовать на умъ и душу жителей и не развивать въ населеніи эстетическаго чувства, намеки на что имѣются и въ книгѣ Н. Я. Никифоровскаго.

За недостаткомъ времени и мѣста, мы оставляемъ въ сторонѣ остальные произведенія Н. Я. Никифоровскаго, хотя нѣкоторыя изъ нихъ болѣе чѣмъ заслуживаютъ вниманія, напримѣръ, прелестный очеркъ „Дударь и музыка“ (скрипачь), рисующій невинную веселость, скромность и цѣломудріе бѣлорусской деревенской дореформенной молодежи.

Не коснемся мы также и многолѣтней педагогической дѣятельности Н. Я. Никифоровскаго, — не потому, чтобы она не заслуживала вниманія, но по личному незнакомству съ этою областью жизни и дѣятельности покойнаго. Н. Я. Никифоровскій былъ такимъ крупнымъ мѣстнымъ идейнымъ работникомъ, что все, могущее полнѣе и ярче обрисовать его умственный и нравственный образъ не можетъ не привлекать вниманія. И надо надѣяться, что лица, близко наблюдавшія Н. Я. Никифоровскаго, какъ педагога, выступятъ въ печати съ своими сообщеніями.

VII.

Въ заключеніе посвятимъ нѣсколько строкъ нашимъ личнымъ воспоминаніямъ о дорогомъ Н. Я. Никифоровскомъ. Утрата такъ еще свѣжа, что передъ нашимъ умственнымъ взоромъ онъ стоитъ, какъ живой, спокойный, задумчивый, съ привѣтливымъ взоромъ, и пріятною улыбкою на устахъ. Обладая мирнымъ, незлобивымъ характеромъ, онъ избѣгалъ

ссоръ и несогласій. уклоняясь отъ сближенія и общенія съ тѣми, кто приходился ему слишкомъ не по нутру. Жизнь его далеко не баловала, но онъ не любилъ жаловаться на свою судьбу и переносилъ свои невзгоды съ молчаливою, благородною гордостью. Въ этомъ отношеніи Н. Я. Никифоровскій былъ стоикъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и далеко не походилъ на распространенный типъ русскаго человѣка и русскаго дѣятеля, любящаго жаловаться на свою судьбу, на неблагодарность общества, на среду, преятствующую развитію таланта, любящаго сваливать на другихъ и свои собственныя ошибки.

Не таковъ былъ, повторяемъ, Н. Я. Никифоровскій. Онъ относился къ людямъ мягко, благосклонно, съ добродушнымъ юморомъ, не предъявляя слишкомъ большихъ требованій. Несмотря на значительные успѣхи, достигнутые Россіей въ отношеніи развитія просвѣщенія и здравыхъ общественныхъ идей за послѣднюю четверть вѣка, въ провинціи до сихъ поръ много еще полуобразованія, много дикихъ, грубыхъ, невѣжественныхъ людей, думающихъ, что дѣло рыбака—рыбачить, а не учительствовать; дѣло учителя—исправлять ученическія тетради, а не заниматься наукою; что двигать науку—дѣло профессоровъ и академиковъ, которые на то и поставлены начальствомъ. Когда, бывало, друзья Н. Я. Никифоровскаго предостерегали его противъ подобныхъ господъ, онъ, спокойно улыбаясь, говорилъ:—исторія скажетъ, со временемъ, свое слово, кто изъ насъ принесетъ больше пользы обществу.

Наука, общество, народъ, общественная польза—вотъ были лозунги жизни Н. Я. Никифоровскаго. Свои личные интересы онъ умѣлъ всегда подчинять общественнымъ. Считая себя наиболѣе полезнымъ на своемъ боевомъ посту, въ витебской губерніи, онъ пренебрегалъ возможностями устроиться лично лучше и выгоднѣе гдѣ нибудь въ прекрасномъ далекѣ.

За то на закатѣ дней онъ имѣлъ великое утѣшеніе видѣть, что дѣло изученія Бѣлоруссіи дѣйствительно двигается серьезно впередъ, что труды его, если еще не использованы людьми строгой академической науки, то замѣчены и оцѣнены ими; что бывшее пренебреженіе къ бѣлорусскому племени и къ бѣлорусскому нарѣчію смѣнилось, въ работахъ академиковъ Соболевскаго и Шахматова, признаніемъ ближайшаго родства южно-великорусскаго нарѣчія съ бѣлорусскимъ и тѣснѣйшей племенной связи центральной Россіи съ Бѣлоруссіей; что Бѣлоруссія изъ своей среды выдвинула двухъ доровитыхъ академиковъ—Карскаго и Дѣвнара-Запольскаго, причемъ первый далъ солидный научный обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, а второй, кромѣ капитальныхъ трудовъ въ области мѣстной и общей русской исторіи, въ талантливыхъ историческихъ очеркахъ, помѣщенныхъ въ девятомъ выпускѣ Живописной Россіи П. П. Семёнова, познакомили широкіе круги русскаго образованнаго общества съ истинной фізіономіей бѣлорусскаго народа и съ правдивымъ характеромъ его исторіи, что, наконецъ таки, старшій братъ великороссъ, хотя бы въ

лицъ москвича Грузинскаго, начинаетъ иначе смотрѣть на бѣлорусса*). Всему этому Н. Я. Никифоровскій радовался искренно, отъ души. Во всемъ этомъ онъ видѣлъ знаменія, которыя укрѣпляли въ немъ вѣру въ свѣтлое будущее и въ силы своего народа.—Не съѣли насъ раньше, успокоивалъ Н. Я. Никифоровскій пессимистовъ,—теперь и подавно не съѣдятъ, когда мы коснулись матушки земли.

Жизнь Н. Я. Никифоровскаго бѣдна внѣшними событіями, но богата внутреннимъ содержаніемъ, вѣчною работою ума и чувства. Въ сельской тишинѣ зародился, созрѣлъ и окрѣвъ его талантъ, несмотря на многія неблагопріятныя условія окружающей обстановки. Уроженецъ села Вымна, прежде суражскаго, нынѣ витебскаго уѣзда, онъ родился въ маѣ 1845 г., выросъ и воспитался въ домѣ крайне бѣдныхъ родителей духовнаго званія, между прочимъ, занимавшихся и земледѣльческимъ трудомъ. Первоначальное обученіе онъ получилъ въ нѣсколькихъ сельскихъ школахъ, впоследствии такъ тепло и картинно имъ описанныхъ. Въ 1855 году отецъ отвезъ Н. Я. въ Витебскъ, гдѣ онъ поступилъ въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ и, въ тоже время, учился въ мѣстномъ духовномъ училищѣ.

О времени своего шестилѣтняго пребыванія въ архіерейскомъ хорѣ покойный оставилъ очень интересныя записки подъ заглавіемъ: „*Очеркъ жизни и быта пѣвчихъ Витебскаго архіерейскаго хора съ 1-го сентября 1855 года по 1-е сентября 1861 года*“. Въ запискахъ этихъ содержится не мало автобіографическаго матеріала, которымъ, однако, мы не въ правѣ пока пользоваться. Скажемъ только, что по запискамъ Н. Я. Никифоровскій рисуется намъ честнымъ, искреннимъ, довѣрчивымъ и чувствительнымъ мальчикомъ, умѣвшимъ глубоко чувствовать и понимать обиду и несправедливость.

Въ „Запискахъ“ тогдашній бытъ архіерейскихъ пѣвчихъ, содержащихся въ общегитіи, воспроизведенъ съ мельчайшими подробностями, свидѣтельствующими о раннемъ развитіи острой и серьезной наблюдательности и о глубинѣ впечатлѣній автора записокъ.

По окончаніи духовнаго училища Н. Я. Никифоровскій вышелъ изъ пѣвчихъ и поступилъ на казенный счетъ въ Полоцкую Духовную Семинарію, которую и окончилъ въ 1867 году. Отсутствие средствъ не дало ему возможности итти далѣе, и онъ вступилъ на преподавательское поприще: съ 4 октября 1867 г. по 13 сентября 1871 г. былъ законоучите-

*) „Ходячія представленія о типѣ бѣлорускаго крестьянина,—говоритъ г. Грузинскій,—рисуютъ его неказистымъ... тщедушнымъ, подавленнымъ тяжелою жизнью въ болотистомъ, бѣдномъ краю. Мои личныя впечатлѣнія были не таковы. Я видѣлъ бѣлорусса крѣпкаго тѣлосложенія, хотя и худощавымъ... Но главное—ни слѣда угнетенности, забитости. Манера держать себя и говорить отличалась отъ великорусской своею медленностью, сдержанностью, но въ ней видѣлась скорѣй степенная важность, задумчивость, не лишенная достоинства... Выразительныя фізіономіи встрѣчаются очень часто, а среди женщинъ и дѣвушекъ много прямо красивыхъ лицъ“. См. Этн. Обзор., 1891 г., № 4.

темъ и затѣмъ учителемъ въ сельскомъ училищѣ; потомъ, съ 13 сентября 1871 г. въ приходскомъ училищѣ въ Витебскѣ; съ 1 января 1877 г. въ приготовительномъ классѣ свислочской учительской семинаріи. Въ этомъ же 1877 г. онъ выдержалъ въ совѣтѣ витебской мужской гимназіи испытаніе на званіе учителя уѣзднаго училища; съ іюля 1882 г. состоялъ преподавателемъ въ приготовительномъ классѣ классической мужской гимназіи въ Витебскѣ, а съ 1-го августа 1900 года по 1 іюля 1902 года приготовительнаго класса молодечненской учительской семинаріи, когда снова по прошенію переведенъ въ родной ему Витебскъ на должность учителя приготовительнаго класса гимназіи. Изъ 43 лѣтъ служебной дѣятельности Витебску было отдано 33 года.

— „Моя жизнь въ родительскомъ домѣ, пишетъ Н. Я. Никифоровскій (А. Н. Пыпину*), протекла среди не деревенскаго только, а захолутнаго мрака крѣпостничества. Въ моей памяти живыми образами возстаютъ лица, которыя клятвенно увѣрили тогда, что такой то держалъ за вѣсть черта или вѣдму, другой цѣлые часы провелъ съ давнимъ покойникомъ въ дружеской бесѣдѣ, третій нашель и лакомился кускомъ упавшаго облака и пр. Понятно, что все это, исходя изъ бородатыхъ и морщицистыхъ устъ, или отъ плѣшивой головы, крѣпко засѣдало въ моей тзвивчивой душѣ и наслоялось въ ней чуть не до болѣзненнаго гнета. Мои случайные учителя (въ дѣтствѣ), за ничтожными исключениями, помимо недалекости въ учебномъ дѣлѣ, были люди недалекіе и въ міроозрѣніи: они не разсѣяли мой суевѣрный кругозоръ, а скорѣе расширили его своими рассказами“. Такимъ образомъ, народное преданіе принималось съ полною непосредственною вѣрой, которая поколеблась только во время ученія въ семинаріи. Здѣсь возможная перспектива священнической дѣятельности внушила Н. Я. Никифоровскому мысль записывать народныя суевѣрія (по памяти своей и товарищей), какъ обличительный матеріалъ. Позднѣе, на учительской службѣ, познакомившись съ нѣкоторыми этнографическими сборниками, онъ придалъ своему собранію болѣе опредѣленный видъ. Въ концѣ 1871 г. его познакомили съ г. Шейномъ; трудныя обстоятельства личной жизни отнимали у него вѣру въ свои силы и свои многолѣтнія записи онъ съ тѣхъ поръ предоставлялъ Шейну, пока, наконецъ, въ 1890 году не выступилъ на поле вполне самостоятельной литературной дѣятельности. 15 октября 1893 г. Императорское О-во любителей естествознанія, антропологии и этнографіи присудило Н. Я. серебряную медаль за богатыя собранія этнографическихъ матеріаловъ, предназначенныхъ къ напечатанію въ „Извѣстіяхъ“ О-ва и за многолѣтнюю дѣятельность въ области этнографическихъ изслѣдованій, въ чемъ и выдало ему установленный дипломъ. 5-го марта 1895 г. Н. Я. избранъ Витебскимъ епарх. св. Владимирскомъ Братствомъ въ число членовъ по завѣдыванію церк.-арх. древлехранилищемъ въ г.

*) См. Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Спб. 1892 г. т. IV, стр. 157.

Витебскѣ. 29 іюля 1895 г. витебскій губерн. статистич. комитетъ избралъ Н. Я. своимъ дѣйствительнымъ членомъ. 15 октября 1897 г. Императорское О-во любителей естествознанія, антропологии и этнографіи присудило Н. Я. премію вел. князя Сергія Александровича за напечатанную имъ работу подъ заглавіемъ: Простонародныя примѣты и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ, собранныя въ Витебской Бѣлоруссіи“. (Дипл. № 2532). 12 ноября 1897 г. Н. Я. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Русскаго Географическаго О-ва (Дипл. отъ 10 марта 1898 г. № 752) и въ томъ же году вошелъ въ составъ членовъ витебскаго комитета по составленію описаній церквей и приходовъ епархіи.

Своей вдовѣ и дѣтямъ покойный не оставилъ никакого имущества, кромѣ литературныхъ трудовъ, не имѣющихъ рыночной цѣнности.

В. Н. Стукаличъ.

Витебскъ.
9 августа, 1910 г.

000000 1950655